

№ 48.

ЕЖЕНЕДЪЛНО.

1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

АВГУСТЪ

Война нѣмцевъ на морѣ.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:

на годъ . 4 р. — к.

1/2 года 2 — „

1 мѣс. — 30 „

Перем. адреса 25 к.

Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Такса объявленій:

За строку, непара-
рели въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 90 к.

позади „ . 60 „

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 48—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. Августъ.

РОКОВОЕ МѢСТО.

Разсказъ Степанова.

Въ одинъ прекрасный день, драгунскій ротмистръ Валицкій, вышедшій въ чистую по случаю тяжелой раны въ ногу, и уже выздоровѣвшій, сидѣлъ у себя въ номерѣ съ газетой въ рукахъ, за самоваромъ.

Вдругъ взглядъ его остановился на слѣдующемъ объявленіи, напечатанномъ среди текста:

«Нѣкто очень проситъ товарищей по оружію Николая Перцова указать точно мѣсто, гдѣ послѣдній былъ сраженъ въ бою».

Валицкій задумался.

Онъ зналъ это мѣсто и только одинъ онъ, такъ какъ Перцовъ и Валицкій бились рядомъ, оттѣсненные отъ своей части значительнымъ германскимъ отрядомъ, на улицѣ захолустнаго городка П. Убитый въ голову пулей Перцовъ свалился на крошечномъ пустыркѣ, въ пространствѣ между двумя каменными домами и Валицкій ясно видѣлъ то мѣсто; это было четыре мѣсяца назадъ.

Перцова похоронили въ общей могилѣ нѣмцы, или зарыли его на мѣстѣ смерти, — онъ не зналъ, такъ какъ, попавъ въ плѣнъ, бѣжалъ изъ города.

Вскорѣ городокъ П. былъ опять занятъ русскими.

Валицкій одѣлся и черезъ часъ часъ звонилъ у подъѣзда роскошнаго особняка.

Его провели въ изящно, стильно убранный будуаръ, гдѣ Валицкаго ожидала молодая женщина ослѣпительной красоты, съ печальнымъ, но твердымъ лицомъ омраченнаго божества.

— Мы безумно любили другъ друга, — сказала она, когда Валицкій объяснилъ цѣль своего пріѣзда, — но нѣкоторые семейныя обстоятельства мѣшали мнѣ выйти замужъ за Перцова.

Валицкій поклонился.

— На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погибъ, я поставлю чудный памятникъ, — продолжала графиня.

Затѣмъ Валицкій разсказалъ, какъ онъ и Перцовъ, окруженные нѣмцами, бились въ глухомъ переулкѣ и точно описалъ мѣсто, на которомъ упалъ Перцовъ.

Графиня, выслушавъ разсказъ, зарыдала, но скоро овладѣла собой.

— М-сье Валицкій, я разсчитываю, что вы проводите меня въ этотъ городокъ и покажете роковое мѣсто! — сказала она.

— Я всегда къ услугамъ красоты и несчастья, — поклонился Валицкій.

Пять дней спустя, на станціи городка П. изъ вагона перваго класса вышли — дама въ траурѣ и красивый, хромающій офицеръ.

Сѣвъ на извозчика, они проѣхали на окраину города и здѣсь остановились въ глухомъ переулкѣ.

Разсчитавъ извозчика, Валицкій повелъ графиню къ пустырю, на которомъ убили Перцова.

Онъ подошелъ — и остановился, не вѣря глазамъ: пустыря не было.

Пространство межъ каменныхъ брандмауэровъ было занято выстроенной на скорую руку одноэтажной мазанкой, на фасадѣ которой красовалась вывѣска: «Пекарня Туломицкаго».

Валицкій молча показалъ графинѣ рукой на домикъ, и та, сразу понявъ, въ чемъ дѣло, печально кивнула головой, но выразила желаніе зайти въ пекарню.

Валицкій сказалъ:

— Зачѣмъ, графиня? Не смутимъ работу живыхъ мыслями о смерти. Это указаніе судьбы. Тамъ, гдѣ была смерть — снова кипитъ жизнь, работа. Жизнь и работа — лучший памятникъ герою; не такъ ли?

И они удалились.

Степановъ.

Польскій крылатый гусаръ. Гравюра Стефано Делла Белла. (1610 — 1664).

«Не бойтесь! Мы — казаки». Изъ войны 1813 г. въ Германіи: Съ карт: Виллевалде.

Борьба съ пулеметомъ.

Разсказъ А. Г.

Мы подошли къ деревнѣ, занятой нѣмцами и приостановились. Пруссаки открыли сильный огонь: ружейный и пулеметный. Наступленіе мы вели изъ лѣса; между деревней и лѣсомъ лежало открытое поле, это убійственное разстояніе равнялось, приблизительно полтора шагамъ.

У нѣмцевъ былъ одинъ пулеметъ. Онъ дѣйствовалъ изъ-за естественнаго земельного прикрытія, находившагося впереди деревни, это была полуразвалившаяся груда кирпичей.

Ротный командиръ нашъ, зная, что за время перебѣжки по открытому мѣсту пулеметъ можетъ выбить половину людей, приказалъ намъ залечь въ лѣсной опушкѣ, обстрѣливая деревню. Такъ мы и сдѣлали.

Тѣмъ не менѣе, деревню нужно было, во что-бы то ни стало — взять.

Офицера усиленно совѣтовались между собою, какимъ образомъ заставить пулеметъ замолчать. Нетерпѣливая молодежь предлагала атаку, не взирая на страшную опасность для ротнаго состава.

Пока они совѣтовались, рядовой Капитоновъ, отличный стрѣлокъ, попадавшій безъ промаха на лету

пулей въ мѣдный пятакъ, подошелъ къ ротному и, козырнувъ, сказалъ:

— Ваше благородіе! Дозвольте на минуту вашъ бинокль. Я, можетъ быть, обезврежу пулеметъ ихній.

— Ну, что ты выдумалъ? Говори.

— Видите, ваше благородіе, сбоку отъ пулемета стоитъ сосна! Сосна эта очень стара и толста. И растетъ она не прямо, а съ наклономъ на пулеметъ. Ежели сосну повалить, она и пулеметъ повалитъ, да и нѣмцевъ ушибетъ.

— Такъ. Чѣмъ же ты ее повалишь?

— Пулями подрѣжу. А въ бинокль хочу разсмотрѣть точнѣе, правленъ-ли расцѣтъ.

Онъ взялъ у ротнаго бинокль и черезъ минуту возвратилъ, довольно улыбаясь.

— Такъ и есть, прямо за кирпичи упадетъ. А ужъ тутъ добѣжать успѣемъ, пока они его освобождаютъ будутъ.

Капитоновъ подошелъ къ опушкѣ, притулился за пнемъ и открылъ ровную стрѣльбу по основанію далекой сосны.

Офицеры, присѣвъ сзади, слѣдили за его предпріятіемъ съ напряженнымъ интересомъ.

Сосна была внизу толщиной въ діаметръ не менѣе аршина. Послѣ первыхъ десяти-пятнадцати выстрѣловъ дерево стояло еще непоколебимо, но въ бинокль можно уже было разсмотрѣть сорванную у корней кору, обнажившую бѣлую древесину.

Капитоновъ неумоимо стрѣлялъ. Вдругъ, дерево,

разсѣченное десятками пронзившихъ его пуль — дрогнуло, повернулось на основаніи и, сперва медленно, какъ-бы стѣсняясь, затѣмъ съ быстрой маятника, рухнуло тяжелой густой кроной вѣтокъ и хвои на кирпичное загражденіе.

Громовое русское «ура!» огласило лѣсъ. Пулеметъ сразу умолкъ.

Наши, вскочивъ, кинулись къ безобразной грудѣ сучьевъ и кирпичей. Разстояніе до нея мы пробѣжали въ одну минуту.

Мы увидѣли опрокинутый пулеметъ, цѣпко завязшій въ густыхъ вѣтвяхъ, и трехъ придавленныхъ нѣмцевъ, одинъ былъ разбитъ на смерть, а двое еще барахтались, но у нихъ были сломаны ноги.

Какъ возникло наше казачество.

(Историческій очеркъ).

Первый сильный толчекъ росту и усиленію казачества дали запорожцы-черкасы, пришедшіе изъ Запорожской сѣчи въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и основа-

Черкасы были безшабашные гуляки и люди буйные; при безбрачіи, которое они принесли изъ Запорожья, они прокучивали въ попойкахъ всю награбленную добычу, и

Заключеніе мира въ Нюрнбергѣ (1650). Съ современной гравюры.

шіе особый городокъ Черкасскъ, неподалеку отъ татарскаго оплота — крѣпости Азова.

Это переселеніе запорожцевъ вызвано было введеніемъ Уніи и имѣло рѣшающее вліяніе на послѣдующее развитіе и укрѣпленіе Донскаго казачества.

Основавъ Черкасскъ, запорожцы начали дѣлать отчаянно смѣлые набѣги на татаръ, и вскорѣ слухи объ ихъ молодечествѣ и богатой добычѣ, которую они привозили съ собою изъ набѣговъ, стали собирать къ нимъ толпы удалцевъ и головорѣзовъ, искавшихъ воли и добычи.

и потому въ Черкасскѣ установился веселый и воинственный образъ жизни.

Молодежь, скучая суровой и строгой жизнью въ Раздорахъ, толпами устремлялись въ веселый Черкасскъ и поступала въ запорожскія дружины.

Казачество, видимо, начинало тяготѣть къ этому новому стану, который вскорѣ и сдѣлался средоточіемъ всей войсковой жизни.

Вторымъ сильнымъ толчкомъ къ увеличенію и укрѣпленію казачества послужило закрѣпощеніе крестьянъ на Руси.

Всѣ не мирившіеся съ установленнымъ порядкомъ вещей, вся безпокойная и буйная молодежь, привлекаемая молвой о богатствѣ и удалой жизни казаковъ, хлынула на Донъ, входя въ образовавшіяся общества или основывая самостоятельные станы.

Постепенно заселилось среднее теченіе Дона и его притоковъ съ преобладаніемъ великорусскаго племени; на нижнемъ теченіи явственно замѣчалась примѣсь малорусскаго типа.

Низовые казаки, послужившіе ядромъ для образованія казачества, третировали нѣсколько свысока верховцевъ, называя ихъ пренебрежительнымъ «чига».

Каждая станица управлялась атаманомъ, котораго выбирали въ кругу, а для выбора войскаго атамана ежегодно собирався войсковой кругъ, гдѣ часто буйные казаки устраивали кровавые расправы другъ съ другомъ.

Казаки занимались рыболовствомъ и охотой, а земледѣліе находилось въ пренебреженіи, и первоначально существовали даже постановленія «бить батожемъ» казаковъ, которые имъ занимались.

Не имѣя достаточно женщинъ въ своихъ военныхъ обществахъ, казаки приводили много плѣнныхъ татарокъ, и потому въ нѣкоторой части низоваго казачества, и особенно, по женской линіи, долго сохранялись типическія черты монгольской расы.

Казачество, постепенно окрѣпшее и сложившееся въ полунезависимую военную республику, представляло отличный оплотъ для Россіи отъ воровскихъ набѣговъ крымцевъ.

Эта возникшая, наподобіе татарской, конница могла соперничать съ татарами и, превосходя ихъ военными дарованіями, вскорѣ распространила свои набѣги въ самое сердце Крымской орды.

Это была безпощадная ежедневная борьба, сопровождаемая убійствами и грабежемъ, и потому казакъ долженъ былъ постоянно находиться на сторожѣ, постоянно

предупреждать военныя хитрости врага и, въ свою очередь, возможно скрытнѣе и внезапно производить свои набѣги.

Казакѣ безпрерывно посылали въ степь развѣзды и искали слѣдъ татаръ — сакму, и разъ татары были выслѣжены, они подвергались неминуемому уничтоженію.

Вся жизнь казака проходила на конѣ, словно онъ срастался съ нимъ, какъ центавръ; постоянная же опасность закалила его характеръ и выработала изъ него опаснаго и смѣлаго воина въ одиночномъ бою.

Вскорѣ казакѣ, не довольствуясь борьбой съ крымцами и турками на сушѣ, перенесли свою дѣятельность и на море.

На небольшихъ лодкахъ, въ 10 паръ весель, они смѣло пускались въ море и грабили непріятельскія коммерческія суда, и не задумывались нападать даже на большіе, вооруженные артиллеріей, военные корабли.

Казачья флотилія, завидя издали непріятельское судно, и сама не будучи видима по малымъ размѣрамъ лодокъ, слѣдила все время за врагомъ и держалась въ отдаленіи до наступленія ночи.

Затѣмъ казакѣ незамѣтно и безшумно подплывали къ судну, брали его на бордажъ, и съ шашками въ рукахъ штурмовали судно; добычу забирали съ собой, а корабль со всѣмъ въ немъ находящимся пускали ко дну.

Смѣлые набѣги свои казакѣ простирали до береговъ Малой Азіи и не разъ громили Трапезундъ, Синопъ и опустошали окрестности Константинополя.

Всю захваченную добычу везли въ войско, и здѣсь уже «дувалили» въ общественномъ кругу.

Эта беспощадная война на сушѣ и на морѣ, представлявшая безпрерывную малую войну, глубоко повлияла на выработку типическыхъ чертъ характера казака и дала ему столь оригинальный обликъ.

Физическая сила и ловкость, лихое набѣдничество, безумная, не знающая препонъ, отвага, мастерское владѣніе оружіемъ и крѣпкій духъ товарищества были отличительными свойствами прежнихъ казаковъ.

Вседневная опасность и необходимость сторожить и развѣдывать о непріятелѣ, изошрили зрѣніе и слухъ казака и сдѣлали изъ него отличнаго сторожа и развѣдчика.

Заключеніе Вестфальскаго мира въ Мюнстерѣ (1648). Современная гравюра Сюдерхофа съ картины Терборха (1584—1662).

Главныя основанія нынѣ существующаго устава развѣдывательной и сторожевой службы въ нашей арміи заимствованы отъ казаковъ.

Среди этого суроваго воинственнаго общества часто выдвигались люди энергичные, съ сильнымъ ха-

рактеромъ, и, собирая вокругъ себя шайки головорѣзовъ, отправлялись грабить на Волгу и Каму, какъ на богатые торговые пути.

Въ царствованіе Ивана Грознаго, шайки эти до того размножились, что на Волгѣ не было ни проходу, ни проѣзду, и вынудили царя послать воеводу для ихъ поимки.

Одинъ изъ такихъ атамановъ, Ермакъ, казакъ Качалинской станицы (нынѣ станція Грязе-Царицынской желѣзной дороги), скрываясь отъ царскихъ войскъ, пошелъ вверхъ по Камѣ и поступилъ на службу къ Строгановымъ.

Мы не станемъ описывать великаго завоеванія имъ Сибири, хорошо извѣстнаго изъ исторіи, скажемъ только, что его дружина положила основаніе сибирскому казачьему войску.

Успѣхъ быстраго завоеванія Сибири, помимо военныхъ дарованій Ермака и его казаковъ, кроется въ томъ, что они были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ, неизвѣстнымъ тогда туземцамъ.

Строгановъ снабдилъ Ермака 3 пушками и выдалъ казакамъ ружья съ 3 фунтами пороха и свинцу на каждый.

Одновременно съ уходомъ Ермака въ Сибирь, въ концѣ XVI столѣтія, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, ушли съ Волги и другіе казачьи атаманы.

Ермакъ — покоритель Сибири.

Американскіе развѣдчики въ Мексикѣ.

Такъ, атаманъ Гунинъ со своей шайкой двинулся на Яикъ и положилъ основаніе Яицкому, нынѣ Уральскому, казачьему войску.

Другіе атаманы со своими сподвижниками осѣли на берегахъ Терека, и положили основаніе Гребенскому, нынѣ Терскому, казачьему войску.

Съ размноженіемъ казачества на новыхъ мѣстахъ и усиленіемъ ихъ численности, казаки по своей воинственной, неусидчивой натурѣ начинаютъ цѣлый рядъ набѣговъ въ сосѣднія страны.

Какъ примѣръ безумно смѣлыхъ набѣговъ казаковъ, можетъ служить походъ, который предприняли въ 1605 году яицкіе казаки, въ количествѣ всего 1,000 человекъ, на Бухару.

Переодолевая страшныя трудности, они, наконецъ, добрались до Бухары, взяли столицу приступомъ, перебили массу народа и награбили богатую добычу; но на обратномъ пути, преслѣдуемые доведеннымъ до отчаянія, непріателемъ они всѣ погибли отъ голоду и жажды въ безводныхъ пустыняхъ Средней Азіи.

Остальныя казачьи

войска образовались значительно позже, большею частью, по инициативѣ правительства.

Таковы, въ общихъ чертахъ, условія, при которыхъ возникло казачество и жило въ теченіе многихъ вѣковъ.

Первое огнестрѣльное оружіе.

Первыя свѣдѣнія объ употребленіи ручного огнестрѣльнаго оружія относятся къ XIII столѣтію.

Первоначальное оружіе это имѣло такое грубое устройство, что не

могло даже вытѣснить изъ употребленія луковъ и самострѣловъ.

Оно состояло изъ желѣзной или бронзовой трубки, прикрѣпленной къ желѣзной рукояткѣ.

Порохъ и пули носились отдѣльно, и зарядъ отмѣривался при самомъ заряденіи.

Огонь сообщался заряду посредствомъ тлѣющаго фитиля, прикладываемого къ затравкѣ, просверленной въ верхней стѣнкѣ ствола, куда предварительно насыпался затравочный порохъ.

Подобное оружіе, носившее названіе ручной кулеврины, такъ сильно отдавало, что стрѣлокъ не могъ держать его у плеча, и принужденъ былъ зацѣплять его особымъ крюкомъ, придѣланнымъ на концѣ дула, за дерево.

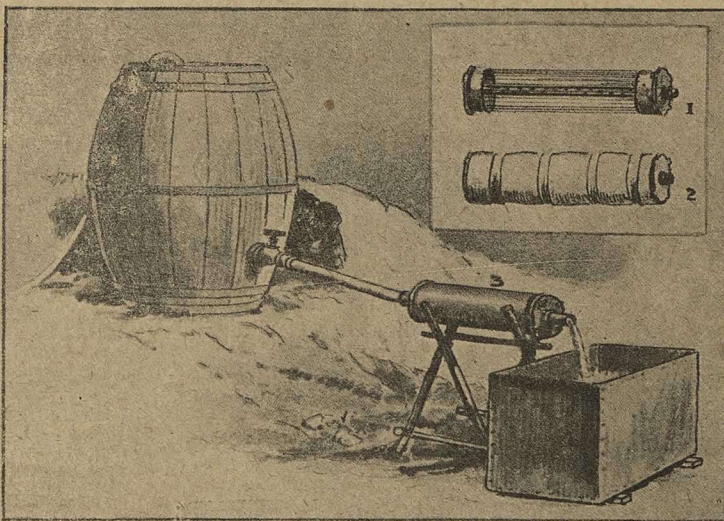
Кулеврины распространялись очень медленно и скоро были забыты, когда, въ XVI вѣкѣ, появился фитильный мушкетъ.

Это оружіе было значительно удобнѣе кулеврины уже по тому одному, что имѣло деревянное ложе съ широкимъ прикладомъ, который упирался при стрѣльбѣ въ плечо.

Но главное преимущество мушкета, въ сравненіи съ кулевриной, заключалось въ куркѣ, который можно было по произволу поднимать и опускать.

Насыпавъ порохъ на полку и приготовивъ фитиль, вложенный въ губки курка, можно было прицѣлиться и выстрѣлить тогда, когда угодно, лишь-бы хватило фитиля.

Изъ жизни Фельдмаршала Блюхера.

Фильтрованіе воды на передовыхъ позиціяхъ англійскихъ войскъ во Франціи.

Онъ былъ человекъ до того прямой и искренній, что подъ старость часто говаривалъ: «если-бъ въ молодости я получилъ толковое образованіе и не увлекался-бъ такъ женщинами и картежной игрой, то слава Наполеона была-бы иной». Въ высшей степени энергичный и рѣшительный исполнитель, онъ былъ очень плохой стратегъ и, сознаваясь въ этомъ, выбиралъ себѣ начальниками штаба изъ числа генераловъ, получившихъ высшее военное образованіе. Онъ долго такимъ образомъ держался генерала Гнейзенау.

Однажды, послѣ выиграннаго сраженія, на обѣдѣ главнокомандующаго, когда гости были уже веселы отъ вина, онъ озадачилъ всѣхъ вопросомъ:—способенъ-ли кто изъ присутствующихъ поцѣловать свою голову? Общее недоумѣніе. Всѣ стали переглядываться... «А я могу», сказала Блюхеръ, вставъ съ мѣста обойдя столъ, подошелъ къ Гнейзенау, и запечатлѣлъ звучный поцѣлуй на лбу достойнаго своего помощника.

Шпагой больше не выигрываютъ сраженій.

По возвращеніи изъ Италіи, Бонапартъ былъ приглашенъ секретаремъ Директоріи, Лагардомъ, къ обѣду, на которомъ присутствовалъ художникъ Давидъ. Во время обѣда между генераломъ и художникомъ завязался разговоръ, и Давидъ предложилъ Бонапарту нарисовать его какъ итальянскаго побѣдителя.

— Я хочу нарисовать васъ, генералъ, въ пылу сраженія, со шпагой въ рукѣ, — сказалъ художникъ.

Но Бонапартъ возразилъ:

— Нѣтъ, шпагой больше не выигрываютъ сраженій. Лучше изобразите меня спокойно сидящимъ на пылкой лошади.

Французскіе Кирасиры-трубачи во время битвы при Ватерлоо въ 1815 году.

Армянская легенда о Наполеонѣ.

Мина Черазъ, редакторъ журнала «Arménie», напечаталъ армянскую легенду о Наполеонѣ I, слышанную имъ въ Константинополѣ отъ стараго армянскаго купца, не умѣющаго ни читать, ни писать, и всѣми своими знаніями обязаннаго разговорамъ въ стамбульскихъ кофейняхъ.

«Бонапартъ, — гласитъ эта легенда, — родился во Франціи.

Онъ завоевалъ Египетъ, который потомъ вновь завоеванъ былъ арабами, при чемъ они убили столько французскихъ солдатъ, что груда тѣлъ ихъ достигла высоты минарета.

Бонапартъ былъ герой; онъ завоевалъ весь міръ.

Онъ захотѣлъ завоевать и Россію.

Онъ сдѣлалъ вторженіе въ нее съ семьюстами тысячами солдатъ, съ лошадьми и пушками.

Русскіе генералы держали совѣтъ и не знали, какой имъ принять планъ дѣйствій.

Тогда старый генералъ, армян-

скаго происхожденія, прибывъ изъ Сибири, предложилъ сжечь Петрополь (Петроградъ) и другіе города и отступить внутрь Россіи, чтобы уничтожить непріятеля голодомъ и суровостью климата.

Всѣ генералы приложили свои печати внизу этого проекта, и старику было поручено привести его въ исполненіе.

Когда Бонапартъ увидѣлъ, что города превращены въ пепелъ, онъ удивился ловкости плана и сказалъ окружающимъ:

«Не думаю, чтобы русскіе могли выдумать эту хитрость. Я подозреваю, что здѣсь кроется замыселъ какого нибудь стараго армянина».

Французская армія все время подвигалась впередъ, не встрѣчая, однако, ни одного русскаго солдата.

Все было пустынно.

Приближалась зима; какъ проведи ее въ странѣ, гдѣ не было крова?

У Бонапарты былъ большой плащъ, онъ надѣвалъ его каждый

вечеръ и упорно глядѣлъ на звѣзды до утра, чтобы изслѣдовать ходъ временъ года.

Вслѣдствіе наблюденія звѣздъ, глаза его сдѣлались косыми.

Наконецъ, онъ однажды потребовалъ свой большой плащъ и надѣлъ его поспѣшно, не дожидаясь начала ночи; онъ зналъ, что немедленно пойдетъ снѣгъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ снѣгъ и, притомъ, въ такомъ количествѣ, что всѣ пути сообщенія для арміи были отрѣзаны, и стало невозможно запастись провизією.

Войска Бонапарта принуждены были начать ѣсть своихъ лошадей.

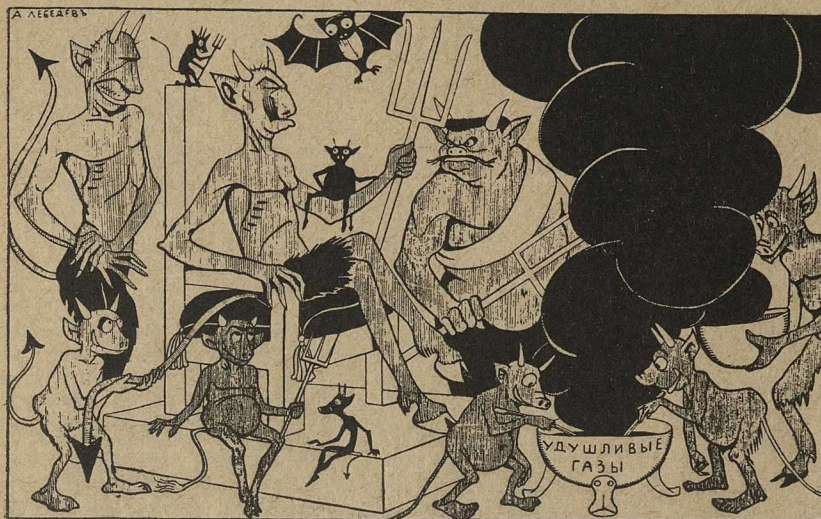
Многіе солдаты разрѣзали животы своихъ лошадей и заѣзали въ нихъ, чтобы согрѣться.

Послѣ того, какъ большая часть войска пала, старый генералъ окружилъ то, что осталось отъ французской арміи, и взялъ въ плѣнъ Бонапарты, величайшаго полководца въ мірѣ.

Его помѣстили во дворцѣ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться до самой своей смерти.

Два русскихъ жандарма стояли все время на стражѣ передъ его комнатою.

МИРОВАЯ ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ.

КАЙЗЕРЪ. — Самъ сатана съ нами и за насъ! Борясь съ цѣлымъ міромъ мы волею дьявола получили въ руки его могучее изобрѣтеніе — газы!

Бонапартъ былъ человѣкъ обыкновенной смѣлости и ловкости.

Онъ однажды объявилъ жандармамъ, что чувствуетъ приближеніе смерти; онъ просилъ ихъ поэтому пойти отыскать священника, такъ какъ онъ хотѣлъ исповѣдаться и причаститься.

Жандармы призвали попа и оставили его одного съ плѣнникомъ, затворивъ дверь комнаты.

Бонапартъ, который былъ католикомъ, задушил священника, надѣлъ его монашескую одежду, оставилъ дворецъ и Россію и, несмотря на то, что былъ слѣпъ, добрался до Англіи, гдѣ онъ, въ концѣ концовъ, умеръ.

Передъ смертью онъ завѣщалъ такой совѣтъ: непріатели Россіи не должны нападать на нее со стороны западнаго моря, такъ какъ съ этой стороны она непобѣдима, но со стороны Чернаго моря.

Этимъ совѣтомъ воспользовались во время Крымской войны».

Эта легенда была записана въ промежуткѣ между 1865 — 1889 годами, во время путеше-

ствія на Востокъ; до сихъ поръ она еще ни разу не появлялась въ печати.

— Какія будутъ распоряженія на завтра, ваше величество?

— Просмотрите уставъ культурнаго веденія войны и если какой-нибудь пунктъ остался ненарушеннымъ — немедленно нарушьте его!

Преимущество маленькаго роста

Во время осады Яффы, Наполеонъ стоялъ однажды у бруствера и указывалъ полковнику Лежену, куда тотъ долженъ идти.

Вдругъ непріятельская пуля сорвала съ него шляпу, просвистѣла надъ головой, и полковникъ упалъ мертвымъ.

— Второй разъ, — сказалъ Бонапартъ, — я обязанъ жизнью своему маленькому росту.

Онъ былъ всего на 20 сантиметровъ ниже Лежена.

ЖЕРТВЫ НАПОЛЕОНА.

Великій завоеватель былъ императоромъ въ продолженіе почти десяти лѣтъ — съ 18 мая 1804 года по 3-е апрѣля 1814 года.

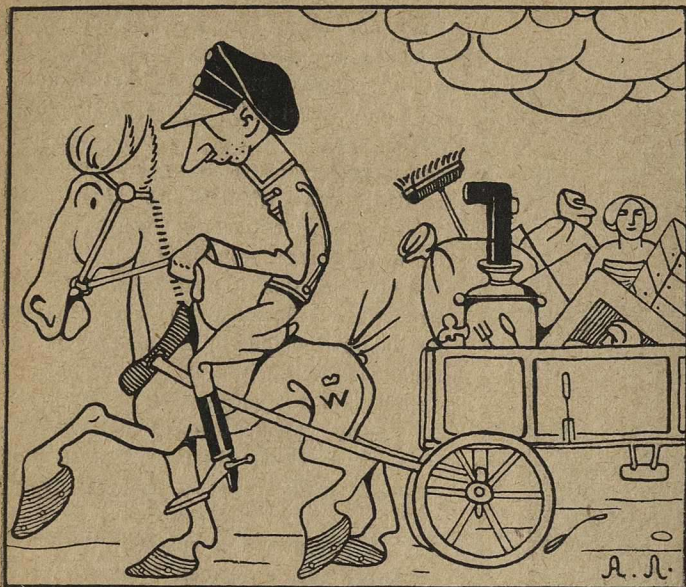
По сохранившимся въ архивахъ

сенатскимъ декретамъ были взяты по набору для императорской арміи въ 1805 году — 800,000 человекъ, въ 1807—80,000, въ 1808 — 240,000, въ 1809—76,000, въ 1810—120,000, въ 1811—160,000, въ 1812 — 237,000, въ 1813 — 1.003,000.

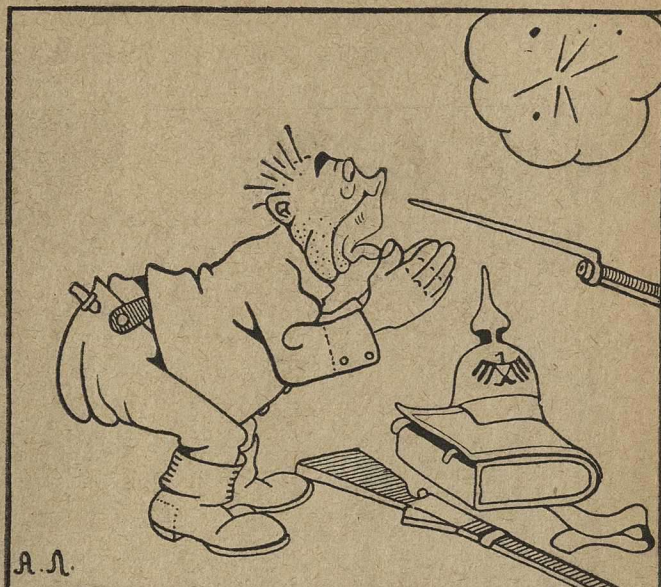
Это составляетъ значительно болѣе двухъ милліоновъ, — число, къ которому надо еще присоединить многочисленныхъ добровольцевъ и общій наборъ въ началѣ 1814 года, такъ что, въ общей сложности, количество набранныхъ во время имперіи солдатъ составитъ по крайней мѣрѣ, 3 милліона.

Послѣ паденія Наполеона всѣхъ солдатъ, инвалидовъ и военно-плѣнныхъ осталось около 802,600 чел.

Десять лѣтъ его славы стоили Франціи 2.200,000 солдатъ, въ среднемъ 244,000 человекъ въ годъ.

Фургоны клади, какъ гостинцы,
Отъ гражданъ вражеской страны
Германскіе вывозятъ принцы,
Вильгельма славные сыны.

Штыка російскаго германецъ
Бойтся, бѣдный, какъ огня...
Бросаетъ онъ ружье и ранецъ,
Весь превратясь въ «не тронь меня».

Если прибавить къ этому жертвы войнъ въ другихъ государствахъ, павшихъ въ бою русскихъ, нѣмцевъ, испанцевъ, итальянцевъ и т. д., а также зарѣзанныхъ женщинъ и дѣтей, разстрѣлянныхъ заговорщи-

ковъ и т. д., то придешь къ заключенію, что великій корсиканецъ, былъ прямо-таки «бичомъ Божиимъ», достойнымъ конкурентомъ чумы и холеры.

РОССІЯ ВЪ АЗІИ.

Съ завоеваніемъ царствъ Казанскаго (1552) и Астраханскаго (1556), съ покореніемъ Сибири (1581), Россія приобрѣла новыхъ сосѣдей — и мирныхъ, и беспокойныхъ.

Мирныхъ пришлось защищать, отъ враговъ защищаться.

Возникли на восточной границѣ угрозы, явилась необходимость занимать стратегическія пункты. Съ теченіемъ времени; замиренные народы; оказавшіеся между Россіей и дикими азіатскими племенами, въ огражденіе себя отъ напавшихъ на нихъ изъ Азіи ордъ, стали вступать въ русское подданство и постепенно сливаться съ коренною Русью: башкиры, калмыки, киргизы, поочередно, подчинялись русской державѣ.

Граница Россіи перевалила за Ураль.

Но все это движеніе на Востокъ, всѣ эти мирныя приобретения и завоеванія азіатскихъ пространствъ, совершались съ единственной цѣлью, вызванной паденіемъ самозащиты или защиты сла-

быхъ, просившихъ у Россіи противъ сильныхъ покровительства.

Если же взоры русскихъ государей и обращались иногда на Азію съ болѣе широкими видами, то лишь для развитія великаго средне-азиатскаго торговаго пути, но попытки въ этомъ направленіи, несмотря на посылавшихся еще царемъ Иваномъ Грознымъ, а затѣмъ и государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, гонцовъ къ закаспійскимъ владыкамъ для развѣдокъ и мирныхъ соглашеній, — не имѣли успѣха, и средняя Азія долго оставалась для русскихъ полусказочною страной.

Такимъ образомъ, не завоевательные замыслы нашихъ государей, не корысть и не жажда славы влекли нашихъ воиновъ въ теченіе вѣковъ къ столицѣ Тамерлана, а случай и необходимость — два двигателя, для которыхъ нѣтъ преградъ.

Императоръ Петръ Великій, наслышавшись о возможности, при помощи великой средне-азиатской рѣки, связать

Россію съ Азіей но, вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ свѣдѣнія; что хивинцы преградили русло, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, рѣшили какъ для исправленія этого русла, такъ и для повѣрки слуховъ о золотоносности Аму-Дарьинскихъ водъ снарядить двѣ экспедиціи: одну со стороны Сибири, подъ начальствомъ подполковника Бухгольца, другую, подъ предлогомъ поздравленія хивинскаго хана со вступленіемъ на ханство, подъ начальствомъ гвардіи капитанъ-поручика князя Бековича-Черкаскаго.

Бухголецъ долженъ былъ идти долиною Иртыша, заложить по дорогѣ нѣсколько крѣпостей и овладѣть Эркетомъ (Яркендомъ).

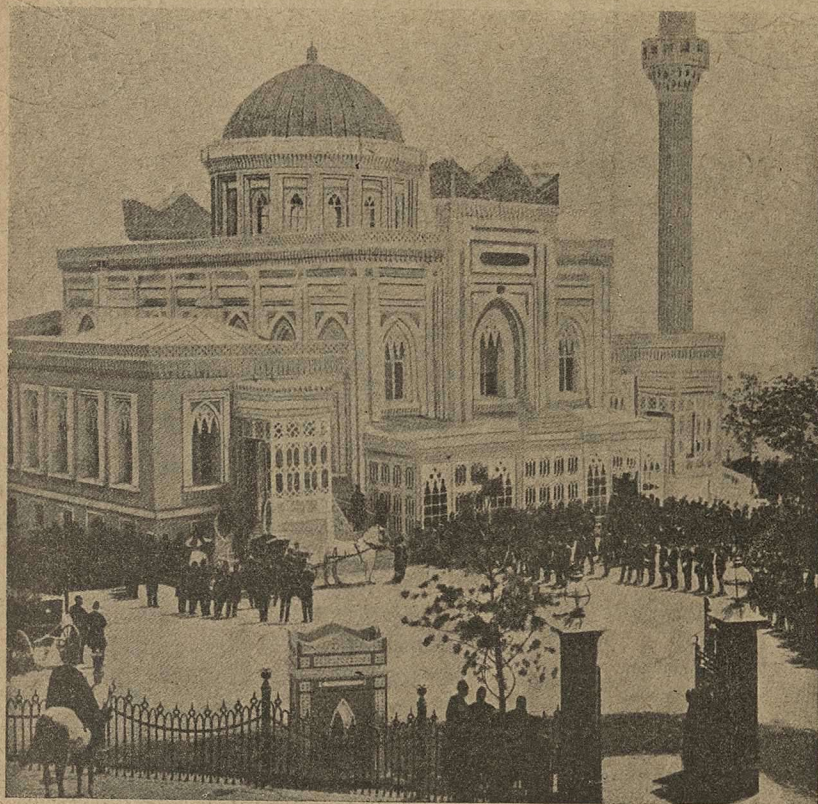
Бековичъ долженъ былъ проникнуть въ Хиву, а затѣмъ въ Бухару и соединиться съ Бухгольцомъ у Яркенда.

Походъ со стороны Сибири повелъ къ тому, что мы, забывъ объ Эркетѣ, заняли въ теченіи пяти лѣтъ (съ 1715 по 1720 годъ) всю долину Иртыша на протяженіи слишкомъ 1,000 верстъ, устроивъ здѣсь рядъ крѣпостей.

Бековичъ-же погибъ, не достигнувъ цѣли.

Снарядившись въ Астрахани и выступивъ въ Хиву въ февралѣ 1717 года, черезъ степь, отъ Красноводскаго залива, съ отрядомъ, имѣвшимъ до 3,000 человекъ, Бековичъ встрѣтилъ хивинцевъ на рѣкѣ Карагачъ.

Несмотря на завѣренія князя Черкаскаго, что онъ идетъ въ Хиву съ мир-

Константинополь. Мечеть «Гамидіе».

ными предложеніями, хивинцы на него напали вооруженною силою, но послѣ трехдневнаго боя вынуждены были отступить.

Путь въ Хиву былъ, такимъ образомъ, открытъ, чѣмъ и слѣдовало воспользоваться, чтобы проникнуть въ столицу ханства и на мѣстѣ объяснить цѣль экспедиціи; вмѣсто того, Бековичъ вступилъ вновь въ переговоры съ ханомъ Ширгазы; принялъ приглашеніе прибыть въ его лагерь и поддался его увѣщаніямъ раздѣлить отрядъ, для удобства, будто-бы, продовольствія, на нѣсколько партій.

Какъ только это было исполнено, хивинцы уничтожили весь отрядъ по частямъ.

Первою жертвою своей неосторожности палъ самъ князь Черкасскій.

Онъ былъ обезглавленъ въ ханской ставкѣ.

Неудача экспедиціи 1717 года повлекла за собою и очищеніе восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ оставленные въ заложныхъ крѣпостяхъ гарнизоны понесли громадную потерю въ людяхъ, вслѣдствіе недостатка здоровой воды.

На Красноводскую крѣпость произведено было нѣсколько нападеній туркменами по наущенію хивинцевъ, и хо-

тя эти нападенія были отбиты, начальники гарнизоновъ, видя невозможность удержаться въ укрѣпленіяхъ, рѣшили ихъ покинуть и весною 1718 года отплыли въ Астрахань съ оставшимися въ живыхъ людьми.

Гибель Черкаскаго не разстроила, однако, виды великаго императора на Аму-Дарью и не охладила Петра въ розысканіи торговаго пути на Востокъ, для каковой цѣли туда постоянно посылались послы.

Усилія посланнаго къ киргизамъ мурзы Тевкелева увѣнчались успѣхомъ, и въ 1732 году народное киргизское собраніе Малой и Средней орды подписало запись о поступленіи своемъ въ подданство Россіи.

Съ этого времени, началась борьба русской цивилизаціи съ пастушескими и дикими племенами азіатскихъ степей.

Много было испытано способовъ привить дикарямъ, если не гражданское устройство, то какія нибудь понятія о правѣ и справедливости, но всѣ попытки оказывались безплодными: дикари уважали только одно право—право силы, и упорно уклонялись отъ мирныхъ сосѣдскихъ отношеній.

Грабежи, убійства, увозъ плѣнныхъ для продажи въ Хивѣ, повторялись на линіи ежегодно.

Отряды наши тщетно гонялись за

разбойничьими шайками по безводнымъ степямъ — было очевидно, что необходимо возвести рядъ укрѣпленій, которыя прорѣзали-бы степь вдоль и поперекъ, лишивъ разбойниковъ возможности проскользнуть мимо съ добычею.

Въ этихъ цѣляхъ, въ 1754 году, былъ занятъ небольшой участокъ илецкихъ соляныхъ копей, для устройства тамъ крѣпости и поселенія, а на сѣверѣ урало-уйская линія была соединена съ иртышскою, проведена новая пограничная черта отъ Звѣриноголовскаго укрѣпленія до Омска.

Между тѣмъ, отношенія наши къ Хивѣ все ухудшались, хивинцы продолжали вторгаться въ наши предѣлы, уводить въ плѣнъ мирныхъ жителей, мутить киргизовъ и грабить караваны.

Англичане, съ своей стороны, стали принимать энергичныя мѣры для защиты своей сѣверо-западной границы.

Наконецъ, и мы убѣдились, что нѣтъ другихъ средствъ образумить Хиву, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Въ октябрѣ 1839 года изъ Оренбурга выступилъ, подъ командою генераль-адъютанта Перовскаго, отрядъ въ составѣ 4.250 человекъ, при 18 орудіяхъ и 2.000 киргизскихъ возчиковъ и верблюдовозахъ, но цѣли своей этотъ отрядъ не достигъ; и не хивинскія скопища, а суровая зима и болѣзни остановили его движеніе въ февралѣ 1840 г.

Щадя людей, Перовскій; скрѣпя сердце рѣшился вернуться на Эмбенскій постъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе Перовскаго — о неуспѣшномъ исходѣ экспедиціи, повелѣлъ приступить къ приготовленію для новаго похода; но и эта вторая попытка не удалась и по той-же причинѣ: отрядъ дошелъ до Чушкакуля; но развившаяся цынга и другія болѣзни унесли изъ него болѣе 1.000 человекъ; 10.000 верблюдовъ и 8.000 лошадей.

Перовскій вторично долженъ былъ вернуться въ Эмбенское укрѣпленіе. Неудача этого второго похода вселила во многихъ убѣжденіе въ невозможности дойти отрядамъ до Хивы, и лишь 23 года спустя на долю К. П. фонъ-Кауфмана выпало доказать противное.

ПЛѢННЫЙ БАЯЗЕТЪ ПРЕДЪ ТИМУРОМЪ.

Извѣстный монгольскій полководец Тамерланъ или Тимуръ (Тимуръ-Ленгъ), пронесшійся грознымъ ураганомъ надъ старою Азіею, въ промежутокъ времени съ 1336 по 1405 г., можетъ быть поставленъ въ переднемъ ряду тѣхъ «бичей Божіихъ», которые отъ времени до времени сотрясали политическій строй громадныхъ древнихъ государствъ и имѣли пагубный даръ — превращать цѣлыя цвѣтущія области, заселенныя людьми, въ пустыни, посѣщаемыя лишь шакалами. Тамерланъ — любимый герой монгольскихъ народныхъ легендъ; монголы зовутъ его Чингизъ-Ханомъ. По ихъ преданіямъ, онъ придетъ вновь и озаритъ свой народъ тѣмъ-же блескомъ и обаяніемъ силы, съ какимъ когда-то эта, нынѣ болѣе чѣмъ скромная раса, пронеслась надъ лицомъ земли. Въ исторіи этого человѣка трудно отдѣлать дѣйствительныя событія отъ тѣхъ кружевъ фантазіи, которыми ее украсила восточная легенда. Повидимому, въ молодости Тимуръ находился на службѣ у Гуссейна, эмира Хорасанскаго, происходившаго изъ Джагатайской династіи, владѣвшей Балкомъ. Когда, затѣмъ, эта монгольская династія пала, Тимуръ завладѣлъ трономъ и избралъ своею столицею Самаркандъ. Завоевательныя инстинкты новаго владыки не долго дремали: онъ обратился сначала на своихъ ближайшихъ сосѣдей, персовъ, а затѣмъ, мало-по-малу, раздвинулъ свои владѣнія «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая», въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ нашего знаменитаго поэта. Около 1398 года Чингизъ-Ханъ двинулся на Индію и завоевалъ земли отъ Инда до Ганга. После того, онъ повернулъ къ Малой Азіи. Здѣсь у него вышла любопытная встрѣча съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ I, который, по части военныхъ доблестей, также блещетъ звѣздой первой величины. Тимуръ уже слыхалъ о Баязетѣ отъ многихъ властителей, которыхъ ему пришлось покорить до того времени; онъ побѣдоносно прошелъ черезъ Сирію, взялъ приступомъ Багдадъ, и, наконецъ, вступилъ въ Малую Азію; гдѣ турецкій султанъ ожидалъ его во главѣ многочисленнаго войска. На ряду съ янычарами и спагами подъ его знаменами стояло до 20,000 европейскихъ латниковъ, многочисленныя боевыя колесницы анатолійцевъ, многіе князья которыхъ уже успѣли перебѣжать къ Тимуру. 20 іюля 1402 года обѣ арміи встрѣтились на равнинѣ близъ Ангоры. «Великій Волкъ» — Тимуръ сталъ ли-

Плѣнный Баязетъ передъ Тимуромъ.

цомъ къ лицу съ «Молніею» — Баязетомъ. Цѣлый день длилась неслыханная рѣзня, и, дотолѣ непобѣдимый Баязетъ, несмотря на чудеса отваги, проявленныя имъ въ этотъ злополучный день, вынужденъ былъ позорно бѣжать съ полъбитвы. Всадники Тимура долго гнались за побѣжденнымъ; подъ нимъ, къ несчастію, споткнулся конь, и османскій властитель былъ взятъ въ плѣнъ со своимъ сыномъ и множествомъ приближенныхъ и военачальниковъ. Чингизъ засадилъ полоненнаго врага въ желѣзную клѣтку и въ сопровожденіи этого трофея парадировалъ передъ своими полчищами, съ любопытствомъ смотрѣвшими на диковиннаго плѣнника. Этотъ моментъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Тимуръ берегъ эту добычу и припасалъ ее для декораціи сво-

его торжественнаго вступленія въ Самаркандъ; но Баязетъ, потрясенный событіями, скончался до возвращенія побѣдителя въ свою столицу, въ мартѣ 1403 года; а вскорѣ вслѣдъ за нимъ, въ февралѣ 1405 года; умеръ и Тимуръ; достигнутый смертію въ самый разгаръ сборовъ въ походъ на «Срединную Имперію».

КРЕСТОМАНІЯ.

Какъ-то разъ, въ ясную звѣздную ночь, какой-то штабный офицеръ обратилъ вниманіе одного изъ сыновей Вильгельма на созвѣздіе, имѣющую форму креста.

— Вы знаете, что это такое? — замѣтилъ принцъ, — это Желѣзный крестъ, который папаша пожаловалъ небу.

НѢМЕЦКІЯ ВОЙСКА ВЪ АФРИКѢ.

Кавалерія на верблюдахъ.

Артиллерія.

Орденъ Св. ГЕОРГІЯ.

Мысль объ учрежденіи военного ордена св. великомученика и Георгія Побѣдоносца принадлежит императрицѣ Екатеринѣ II, которая «изъ особливой императорской милости къ служавшимъ въ войскахъ» установила сей орденъ «для награжденія отличныхъ военныхъ подвиговъ и въ поощреніи въ военномъ искусствѣ».

Учрежденіе ордена праздновалось торжественнымъ образомъ 26 ноября 1769 года.

По окончаніи литургіи, въ придворной церкви, на которомъ присутствовала сама императрица и весь ея блестящій дворъ, на середину церкви былъ поставленъ двумя гофурьерами столъ, гдѣ на золотомъ блюдѣ лежали знаки ордена.

Секретарь ея величества Стрекаловъ прочиталъ статутъ, а архимандритъ Платонъ сказалъ блестящую проповѣдь.

Послѣ освященія, Екатерина II возложила знаки ордена на себя, послѣ чего грянуло «многія лѣта», а съ Петроградской и адмиралтейской крѣпостей были произведены 101 выстрѣлъ.

Городъ былъ роскошно иллюминированъ.

При разработкѣ статута, Екатерина II въ руководство предписала слѣдующее правило: «Ни высокая порода, ни полученные предъ непріятелемъ раны, не должны давать права на пожалованіе симъ орденомъ, но дается оный тѣмъ, кои не только должностъ свою испол-

няли во всемъ по присягѣ, чести и долгу, но сверхъ того отличили себя особливимъ мужественнымъ поступкомъ, или подали мудрые и для воинской службы полезныя совѣты».

Георгіевскій орденъ имѣетъ четыре степени, причемъ право пожалованія предоставлено главнокомандующему арміею съ удостоенія думы изъ наличныхъ кавалеровъ.

Кромѣ того, 13 февраля 1801 года учрежденъ еще знакъ отличія военного ордена для нижнихъ чиновъ, принадлежащій къ ордену св. Георгія и носимый на присвоенной послѣднему лентѣ; съ 1856 г. онъ имѣетъ 4 степени, и каждой присвоена особая пенсія.

Пожалованіе этимъ знакомъ отличія предоставлено, кромѣ главнокомандую-

щего и всѣмъ командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ Высочайшаго утвержденія.

Какъ высоко цѣнится орденъ св. Георгія, можно видѣть изъ слѣдующаго факта.

Въ 1801 году, орденская дума, отъ имени всего кавалерскаго сословія, преподнесла императору Александру I орденскіе знаки, но государь отвѣтилъ, что «имѣя особенное къ сему ордену уваженіе, онъ оставляетъ желаніе думы исполненію времени».

Затѣмъ, по возвращеніи императора изъ компаніи 1805 года, орденская дума вновь преподнесла государю орденъ Георгія I ст., но Александръ I отозвался, что знаки Георгія I ст., должны быть наградой за распоряженія начальственныхъ, что онъ во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ только неустрашимость своихъ войскъ, почему и находитъ личнымъ принять только знакъ 4-й ст.

Воспоминанія англійскаго гренадера.

Подъ этимъ заглавіемъ недавно появились въ Лондонѣ весьма интересныя воспоминанія нѣкоего Вилліама Лауренса, бывшаго сержанта англійской арміи временъ Наполеоновскихъ войнъ.

Авторъ этихъ воспоминаній — простой человѣкъ, вышедшій изъ бѣдной крестьянской семьи, получилъ настолько скудное образованіе, что съ трудомъ могъ нацарапать кое-какія каракули въ видѣ писемъ къ роднымъ, изъ кото-

рыхъ и составились настоящія воспоминанія.

Записки эти, вѣроятно, никогда не увидѣли бы свѣта, если бы не нашелся внукъ Лауренса, болѣе, чѣмъ онъ, искусный въ грамотѣ.

Его рассказъ написанъ съ замѣчательной простотой, и Лауренсъ нисколько не старается выставить въ немъ свою личность въ особенно благопріятномъ свѣтѣ, не позволяя себѣ тѣхъ мелодра-

матических восклицаний, которые дѣлаютъ смѣшными другихъ авторовъ, принадлежащихъ къ той же категоріи.

Воспоминанія сержанта Лауренса, благодаря его прямотѣ и искренности, помимо воли автора, раскрываютъ передъ нами его душу: его рассказъ — болѣе, чѣмъ простая автобіографія: это исповѣдь, а такъ какъ Лауренсъ ничѣмъ не выдавался изъ среды своихъ сотоварищей, то исповѣдь эта является въ то же время исторіей полка.

Обращаясь къ самымъ воспоминаніямъ, мы видимъ, что авторъ попалъ въ солдаты совершенно случайно.

Онъ родился въ 1791 году, въ графствѣ Дорсэтъ, въ бѣдной семьѣ разорившагося фермера, и на 14-мъ году отъ роду отданъ былъ въ обученіе къ мастеру-каменщику; послѣдній, какъ и большинство подобныхъ ему ремесленниковъ, не отличался особенно мягкостью въ обращеніи со своими учениками, и въ одинъ прекрасный день его кнутъ прогулялся и по спинѣ юноши Лауренса.

Случай этотъ былъ, однако, первымъ и послѣднимъ, такъ какъ Вилліамъ убѣждалъ отъ своего жестокаго хозяина и, послѣ всевозможныхъ неудачъ, попалъ, наконецъ, въ 40-й пѣхотный полкъ, который вскорѣ отправленъ былъ въ Южную Америку для дѣйствій противъ испанцевъ.

Что особенно должно поражать читателя воспоминаній англійскаго гренадера, такъ это полная, повидимому, индифферентность автора ко всякимъ событіямъ, а также совершенное отсутствіе какой-либо идейности въ службѣ: онъ самъ, видимо, не сознавалъ и не старался узнать, за что и за кого онъ сражался, рискуя постоянно своею жизнью. Сражаться было его ремесломъ, и онъ совершенно добросовѣстно относился къ этой обязанности.

Что касается фантазии или поэтическаго чувства, то мы напрасно будемъ искать ихъ въ «воспоминаніяхъ англійскаго гренадера»: ни красота природы, ни ужасы войны не воплощаются имъ въ поэтическіе образы.

Онъ не восхищается тропической природой Америки, ландшафтами швейцарскихъ долинъ или оригинальностью испанскихъ городовъ и селеній, онъ видитъ лишь удобную или плохую стоянку; веселый видъ деревни, съ ея пастбищами, не вызываетъ у него воспоминаній о далекой родинѣ, но интересуетъ его лишь настолько, насколько есть надежда раздобыть въ данной мѣстности хорошую провизію.

Въ общемъ, Лауренсъ является человекомъ дѣйствія и здраваго смысла, котораго не тяготятъ никакія привязанно-

Бухарская пѣхота.

сти или страсти, и свойственное ему стремленіе къ порядку не позволило ему ни разу сойти съ разъ намѣченнаго правильнаго пути.

Мы не будемъ слѣдить за похождениями автора во время войнъ противъ Испаніи, а затѣмъ совмѣстныхъ дѣйствій Англій и Испаніи противъ Франціи, но остановимся нѣсколько подробнѣе на описаніи Ватерлооскаго сраженія, имѣвшаго, какъ извѣстно, результатомъ совершенное пораженіе Наполеоновской арміи и повлекшаго за собою паденіе самого Наполеона.

Въ «Figaro» появилась коротенькая замѣтка по поводу описанія Лауренсомъ этой великой битвы.

«Положительно, — говоритъ газе-

та, — какъ побѣдители, такъ и побѣжденные послѣ битвы исключительно заботились о томъ, какъ бы позавтракать поплотнѣе»...

Это остроумное замѣчаніе рождается само собою, благодаря тону, которымъ описано сраженіе. Авторъ съ полнымъ спокойствіемъ рассказываетъ объ ужасныхъ перипетіяхъ этого историческаго дня, когда люди гибли безъ счета, когда бышенныя атаки французовъ и весь гегеній ихъ императора сломались о стойкость союзныхъ войскъ.

Сражаясь въ теченіе цѣлаго дня, 40-й полкъ подъ конецъ битвы, усталый, потерявшій массу людей, стоялъ на своей позиціи и выдержалъ еще послѣдній, страшный натискъ французовъ; сомкнувшись въ карре, онъ посылаетъ одинъ за другимъ убійственные залпы въ налетѣвшую на него кавалерію, съ криками «vive l'Empereur!» несущуюся, подобно урагану, съ маршаломъ Неемъ во главѣ.

Съ обѣихъ сторонъ потери все увеличивались, а нетерпѣливо ожидаемое Веллингтономъ подкрѣпленіе все не подходило.

Эти ужасныя минуты описаны Лауренсомъ съ такой простотой и безыскусственностью, что, въ силу именно этой простоты они получаютъ особенно яркое освѣщеніе.

Ни однимъ словомъ не обнаруживаетъ онъ своихъ ощущеній, указывая лишь на то, что, по его мнѣнію, кавалерійскія атаки не могутъ сломить хорошей пѣхоты...

Но лишь только утихла битва, и усталые полки устроились на бивуа-

Знаменитый севастопольскій герой.
Адмиралъ П. С. Нахимовъ:

кахъ, какъ Лауренсъ заботился ужъ объ дѣлѣ; тутъ языкъ его становится образнымъ и живымъ, въ немъ слышится радость и довольство своей судьбой: забыты всѣ ужасы дня, забыта возможность ежеминутно быть убитымъ, и все сводится лишь къ описанію бивуачнаго отдыха, упоминая какъ бы вскользь, что полкъ потерялъ болѣе $\frac{1}{3}$ людей, а другія части и того больше.

Движеніе союзниковъ на Парижъ, вступленіе въ столицу Франціи и бѣгство Наполеона, утверженіе на престолѣ Франціи Людовика XVIII — всѣ эти событія разсказаны Лауренсомъ очень кратко, безъ малѣйшей попытки ихъ комментировать.

Вообще разсказъ въ своемъ теченіи касается исключительно внѣшней стороны жизни и въ частности жизни 40-го полка; передъ нами встаютъ военные нравы того времени.

Въ Парижѣ дни однообразно тянутся за днями и казарменная жизнь лишь изрѣдка оживляется какимъ-нибудь наказаніемъ провинившагося, парадами примѣрными сраженіями, устраиваемыми въ честь какого-нибудь герцога; настроеніе умовъ, нервная жизнь громаднаго города, принявшаго въ свои нѣдра сотни тысячъ разноплеменныхъ войскъ, не отражаются ни на Лауренсѣ, ни въ его «воспоминаніяхъ».

Войска понемногу уходятъ изъ Парижа и тянутся въ разныя стороны, а съ ними и 40-й полкъ; съ большими остановками проходятъ они Сентъ-Жермэнъ, Камбрэ и доходятъ, наконецъ, до Калэ, откуда ихъ на военныхъ судахъ перевозятъ въ Шотландію.

АМАЗОНКИ.

Древнія сказанія о героической эпохѣ не рисуютъ намъ женщинъ въ вилѣ дикихъ, независимыхъ, воинственныхъ и непокорныхъ существъ, похожихъ по своему нраву на мужчинъ.

Напротивъ, во всѣхъ легендахъ объ этомъ времени, женщина изображается любящей свой домашній очагъ, миролюбивой и одаренной всѣми добродѣтелями богини Весты.

Гомеръ называетъ ихъ «нѣжными»;

Гекторъ обращается къ своей женѣ Андромахѣ и къ матери Телемахѣ съ просьбой, вернуться къ своимъ женскимъ занятіямъ и предоставить заботы о войнѣ мужчинамъ.

Даже Зевсъ обращается къ Афродитѣ со словами: «ты не должна заниматься кровавыми дѣлами войны, твое дѣло — забота о брачной любви!»

Тѣмъ не менѣе, одиночные случаи «эмансипаціи женщинъ» находятся и въ древнихъ сказаніяхъ.

Такъ, въ «Одиссее», говорится о прекрасной Навсикаѣ, стоящей на военной колесницѣ и управляющей своими

считаются дочерьми Марса — бога войны, — и Гомеръ мимоходомъ говоритъ о нихъ, какъ о воинственныхъ женщинахъ, живущихъ въ Ликіи и въ Фригіи.

Въ Эвѳііи онѣ играютъ уже гораздо большую роль. Гордая царица этихъ амазонокъ — Пентесилія — дѣлается союзницей троянцевъ и сражается съ Ахиллесомъ предъ греческимъ станомъ.

Амазонки древне-греческаго періода считались пришельцами изъ скиѣскаго царства.

Онѣ, по свѣдѣніямъ грековъ, жили на берегу Чернаго моря на Кавказѣ; тамъ находилась и гора Амазоніосъ и городъ Амазоніонъ.

Города Эфесъ и Смирна, по преданіямъ, тоже были основаны амазонками.

Амазонки никогда не выходили замужъ.

Каждую весну онѣ дѣлали набѣги на границы и здѣсь встрѣчались съ мужчинами.

Рождавшіеся вслѣдствіе этихъ встрѣчъ дѣти подвергались разн. участи: мальчики умѣшлялись или возвращались отцамъ, дѣвочки же воспитывались въ постоянныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ верховой ѣздѣ и пр.

Во всякомъ случаѣ, всѣ сказанія объ амазонкахъ тѣсно связаны съ сказаніемъ о скиѣхъ, и, очевидно, весь мифъ объ этихъ воинственныхъ женщинахъ произошелъ изъ темной и мало разработанной исторіи о скиѣхъ.

ВОЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Въ настоящее время, великой мировой войны, не безынтересно познакомиться съ военными издержками древнихъ римлянъ.

Суммы, требовавшіяся на содержаніе римской арміи, представлялось-бы легче опредѣлить, если-бы мы нашли точную сумму, требовавшуюся на содержаніе римскаго легіона.

Простой солдатъ въ легіонѣ получалъ ежегодно 225 динаріевъ жалованья чистыми деньгами, или на наши деньги приблизительно 810 рублей.

Если затѣмъ оцѣнить стоимость содержанія солдатъ и ежегодные денежные подарки, дававшіеся имъ, въ 75 динаріевъ, то выйдетъ, что на каждого солдата римляне тратили ежегодно 30 динаріевъ или 1080 рублей на наши деньги.

Легіонъ римскій, состоялъ, какъ извѣстно, изъ 6,000 человекъ, включая сюда 60 центуріоновъ, получавшихъ двойное жалованье.

Испано-американская война. — Отплытіе войскъ и артиллерія въ Тампѣ.

хорошенькими ручками, бѣшенными ко-
нями.

На шитѣ Ахилла изображенъ осажденный городъ, который защищаютъ вооруженныя женщины. Во времена паденія нравовъ женщины сражаются между собою на аренахъ цирка и принимаютъ участіе въ охотѣ на звѣрей.

Вообще же, въ древности, женщина прославлена, какъ олицетвореніе домашней жизни, какъ существо, нуждающееся въ защитѣ мужчины.

Тѣмъ не менѣе, въ древнихъ лѣтописяхъ встрѣчается сказаніе о цѣломъ государствѣ эмансипированныхъ женщинъ, цѣлой женской республикѣ, границы которой не имѣли права перешагнуть ни одинъ мужчина.

Въ греческой мифологіи, амазонки

КАРТИНКИ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1914—1915 ГОДА.

Въ окопѣ около своей «квартиры».

Въ минуты затишья. Группа офицеровъ въ паркѣ.

Такимъ образомъ, денежныя годовыя издержки на легіонъ простирались до 648,000 рублей; да на удвоение жалованья 60 центурионамъ приходится причесть еще 48,600 рублей (т. е. 810 р., годовое жалованье римскаго солдата, умножая снова на 60).

Общая цифра получится 696, 600 р.

При Августѣ римское государство, какъ мы знаемъ, содержало 25 легіоновъ войска; слѣдовательно, по приведенному уже разсчету, содержаніе этихъ 25 легіоновъ стоило Риму ежегодно 17,385,000 рублей на наши деньги.

Кромѣ того, еще протеріанскія корпораты требовали весьма значительныхъ суммъ ежегодно. Шведскіе авторы, переводя эти суммы на марки, опредѣляютъ ихъ, приблизительно, въ 6.000.000 марокъ; т. е. около 2.280.000 рублей на наши деньги; и затѣмъ; еще значитель-

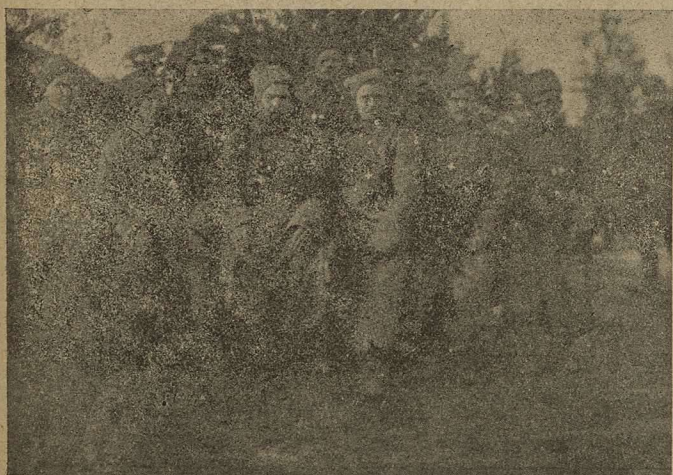
У землянки.

ная сумма шла на содержаніе въ городахъ гарнизоновъ и эту сумму нужно предположить въ 500,000 рублей:

О количествѣ жалованья, которое римляне платили вспомогательнымъ войскамъ, къ которымъ принадлежала вся ихъ конница или всадники, мы, къ сожалѣнію; не имѣемъ никакихъ надлежащихъ указаній.

Во всякомъ случаѣ, сравнительно съ боевыми силами большихъ европейскихъ государствъ, боевая сила древнихъ римлянъ представляется ничтожною.

Что сказали-бы римляне, если-бы узнали, что Галлія, ихъ прежняя провинція можетъ двинуть армію вчетверо большую, чѣмъ Римъ въ цвѣтущій періодъ своего могущества!!!

Георгіевскіе кавалеры.

Обѣдъ въ окопѣ.

КАЙЗЕРЪ: Чортъ возьми! Вѣтви мира стали такія колкія, что невозможно сорвать!

„20-й ВѢКЪ“

**ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЫ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА.**
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденции и т. д. == Цѣна 6 коп. ==